

Алексей
ТЕНЧОЙ

Откровение ангела

Сможете ли вы отказаться от своей красоты во имя личного счастья?

Верите ли вы в воздаяние за алчность, привороты и колдовство?

Как научиться любить и принимать себя?

Что исцеляет душевные раны?

Спасет ли прощение наш мир?

Что таит в себе женская душа?

Алексей Тенчой
Откровение ангела
Серия «Бестселлеры эзотерики»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65264947

*Откровение ангела:
ISBN 978-5-17-105715-2*

Аннотация

Перед вами роман о судьбах трех обычных русских женщин. В самом начале пути героини под влиянием эмоций и привязанностей совершали роковые поступки, которые повлияли на дальнейшую судьбу. Если был бы шанс вернуться в прошлое, наверное, каждая из них прожила бы жизнь так же, отступаясь в погоне за счастьем. Послужили ли женщинам уроком их опрометчивые действия? Смогут ли они прервать злосчастный круг страданий и стать хозяйками своих судеб?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Взлет	16
Начало разрушения	31
Падение	37
Больная душа	47
Искушение	58
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Алексей Тенчой

Откровение ангела

© Алексей Тенчой

© ООО «Издательство АСТ»

Глава 1

Самая удивительная история

Непроглядная тьма, и не светит ни один фонарь. «Черт бы побрал эти коммунальные службы», – выругался сквозь зубы Юрка. Сокращая путь, он стал пробираться через оставшийся от недавней стройки овраг. По дороге прокручивал в голове подробности вечерней «летучки» на работе. Юрка имел привычку анализировать прошедший день до возвращения домой. Сегодня главред, как шакал-подпевала, снующий под ногами руководства, снова пытался надавить на коллективное чувство вины и припугнуть свою команду репортеров лидирующего городского печатного издания лишением ежеквартальной премии. «Рейтинги-рейтинги, ненавижу рейтинги», – то ли мысленно пронеслось в голове у Юрки, то ли сорвалось с губ. Вероятно, он все же произнес эти последние слова вслух, потому как они будто отрезвили его, отвлекли внимание от бесконечного недовольства поведением начальства, указав другое направление. Словно молния пронзила Юркино сознание, осенив его новой идеей: «Женька-Ёжик! Точно! У него всегда есть какой-нибудь выход! Если повезет, он, может быть, еще и не спит. Поздновато, конечно, беспокоить человека в первом часу ночи. Ну да ладно, условности – это не про нас. Только бы добраться ско-

рее до дома», – на этой мысли Юрка споткнулся, не заметив словно выросшую из темноты кочку, но вовремя подставил вторую ногу, перепрыгнул препятствие и, миновав наконец овраг, побежал в сторону освещенных дворов.

Женька был Юркиным одноклассником. Прозвище Ёжик он получил в старших классах за свою уникальную способность радоваться жизни в любых обстоятельствах, а иногда находить из них такой выход, какой никому в их компании и в голову не мог прийти. Да что там в их компании! Ни одному человеку на свете, казалось, не приходили в голову такие схемы движения жизни, как Женьке! Как только его имя ни склоняли: Женька-живика, Ёжевика, Ёжёнъка, Ёженька... Но в конце концов прижился только «Ёжик». Так и говорили тем, кто хотел решить какую-то задачу и, выбившись из сил, начинал искать совета у друзей: «А ты у Ёжика спроси! Он все может». После школы друзья разбрелись кто куда, но об этой Женькиной способности никто не забывал. Он и работу нашел себе под стать – продюсер федерального информагентства. По всему миру Женька выискивал необычные истории. «Искатель и исследователь удивительных явлений» – так называл он себя поначалу. Юрка не обращался к другу уже несколько лет. Кроме формального «как дела?» и поздравлений с праздниками им почему-то не о чем было поговорить. Окунувшись в журналистскую практику, Юрка отдался карьере и совершенствованию профессиональных навыков. Но все ему чего-то не хватало. И он

никак не мог нащупать, чего же.

* * *

– Женька-Ёжик! – радостно крикнул Юрка в трубку мобильного почти в час ночи по Москве.

– Юрка, хай! – бодро отреагировал Женька, кажется, ничуть не удивившись позднему звонку друга. – Ты почему не спишь? Полуночник ты эдакий! Ну ладно я на другом конце света, у меня тут день в самом разгаре, а ты-то?!

– Женька! Выручай! Сто лет тебя не просил, а теперь мне твоя ежевика нужна! – Юрка смущался, когда ему приходилось кого-то просить о помощи, но Женьку он любил как-то особенно, кровно, по-братски. И знал, что, если придется, в нужный момент сам сделает все, что будет в его силах, чтобы отблагодарить друга.

– Что случилось? Рассказывай! Сейчас как раз немного времени есть. – Женька заинтересовался.

– Да все как обычно, брат: рейтинги падают, начальство ругается, в общем, нужна тема. Такая, чтобы бомба. Понимаешь?

– Понимаю. Юрка, есть у меня одна бомба. Хотел ее в одно издание пристроить, сам еще не проверял. Хочешь, тебе первому отдам?

– Женька! Ну конечно!

– Только тебе самому ее тестировать придется. Из моих

туда на разведку еще никто не ходил. Насколько она реальна, никто не знает. Так что может выгореть, а может и нет. Будешь братъ?

– А давай! – махнул рукой Юрка. – Мне терять нечего!

– В одной из женских колоний за Уралом, я тебе адрес скину, работает человек, она бабушка уже, в преклонном, как говорится, возрасте. Так вот, ее весь криминальный мир ангелом называет. Гликерия Константиновна Радулова.

– Ёооож... – протяжно, с ноткой огорчения в голосе произнес Юрка.

– Да ты слушай, по-братски тебе рекомендую. Пятнадцать лет я собираю факты, которые бы удивляли, поражали воображение и чувства людей, заставляли бы вывернуться наизнанку, по-хорошему наизнанку, понимаешь?.. Ты знаешь, я не спец по фрикам. Так вот, я понял за эти годы: нет ничего более увлекательного, чем человеческие истории. Круче невозможно выискать. У жизни такая фантазия, братик, что только успевай! Успей записать, не пожалеешь!

– И что там с этой бабой Глашей? – Женька решил сделать вид, что дает этой истории шанс.

– Гликерия она. Гликерия Константиновна. Более сорока лет она разнорабочая в женской колонии. Попала туда еще подростком, то ли мать ее там родила, а потом вышла на волю, а девчушку туда что-то позвало, то ли влюбилась она там в кого-то. Темная история. Но только она не сидела никогда, да и не за что было: никого никогда пальцем не тронула. По

доброй воле всю жизнь в тюрьме находится. Поговаривают, будто бы собиралась актрисой стать, в театральном училась, и что-то с ней произошло, о чем она никому не рассказывала, но это что-то заставило ее бросить институт, приехать в колонию и устроиться там на работу. С тех пор она там и живет. Ни мужа, ни своих детей у нее нет. Но считается большой удачей, если осужденную отправляют в эту колонию. Вроде тетка Гликерия там как мать. Каждой, кто захочет, она словно новое рождение дарит...

– Ну я понял, – перебил Юрка. – Присылай адрес, съезжу, запишу ее историю.

– Добро! – расплылся в улыбке на другом конце света Женька. – Расскажи потом, что получилось!

– Обязательно! – Юрка выключил мобильник и с чувством выполненного долга и предвкушением новых приключений отправился спать, позволив новому дню, в конце концов, прийти в мир во всей своей рассветной красе.

* * *

Командировку Юрке оформили легко. С колонией договорились, пропуск выписали. Только сказали, что Гликерии Константиновне говорить о его приезде не будут. Мол, не захочет она никого принимать. Вот если журналист приедет на место, встретится с ней и сможет сам уговорить ее побеседовать, тогда да. Но если откажет, придется разворачиваться и

уезжать ни с чем. В общем, сказали, что все в Юркиных руках. И через три дня он сидел в скором поезде, который уносил его в северо-восточные дали – одинокие, малолюдные, наводящие на мысли о каком-то многовековом отшельничестве, от которых у Юрки щемило в груди и начинало сосать под ложечкой.

Дорога пролетела как один день. И вот двадцатипятилетний, подающий надежды репортер Юрий Серчин, сам пока не понимающий, что его ожидает, оказался у цели.

Глава 2

Первая встреча

Зона встретила устрашающей спиралью колючей проволоки на высоких оградах. Фонари. Вышки. Снова фонари. «Как же тут найти жизнь, Ёжик?» – мысленно обратился к другу Юрка, шагая вдоль бетонных стен. «Одни колючки, а не жизнь», – преждевременно рисовал он себе неприглядные картины. Таково уж человеческое восприятие – все, что кажется в первую секунду потенциально опасным, способным причинить боль, сознание стремится записать во враги и никогда к себе не подпускать.

Юрке дали сопровождающего, который повел его длинными переходами в самую глубину предприятия по исправлению людей. Темные коридоры сменялись хорошо освещенными, дальше шли столовые, комнаты отдыха, и вот, наконец, перед ними возникла дверь. Сопровождающий легонько постучал по ней костяшками пальцев.

– Да-да, – раздался из-за закрытой двери молодой женский голос.

– Гликерия Константиновна, можно к вам? – сопровождающий все так же стоял у закрытой двери, чуть наклонившись к щели, чтобы не повышать голоса.

– Входите, что же вы там до сих пор стоите? – Голос был

мягким, чуть насмешливым и даже отдавал каким-то ребячеством.

– Здравствуйте, Гликерия Константиновна, вот посетителя к вам привел, – улыбнулся Юркин провожатый. – Приехал издалека, очень стремится с вами познакомиться.

– Здравствуйте, – Юрка смущенно вышел вперед, не зная, как себя вести, чтобы расположить к себе свою будущую героиню.

– Ну, я пока оставляю вас, меня ждут, – мужчина кивнул Гликерии и, обернувшись к Юрке, добавил: – У вас три часа, потом я приду за вами, и вам нужно будет покинуть территорию колонии.

Юрка пожал ему руку и повернулся к Гликерии Константиновне, не зная, с чего начать. В комнате было светло и довольно уютно. На подоконнике стояли горшки с цветами. За ширмой прятался небольшой диванчик, у окна расположился деревянный стол, аккуратно застеленный белой льняной скатертью. Гликерия Константиновна, хоть возраста была и преклонного, сохранила красоту и обаяние. Даже Юрка, который, по сути, был еще совсем мальчишкой, отметил про себя эту неброскую, неяркую, но в то же время обволакивающую красоту всего ее облика. У нее почти не было морщин. Не высокая и не низкая, в простом платье чуть ниже колен, эта женщина на самом деле производила впечатление какого-то неземного существа. Мягкий взгляд, наполовину седые струящиеся локоны до плеч, играющая на губах дет-

ская улыбка – все это так притягивало любого, кто однажды увидел Гликерию, и так не соответствовало месту, которое она выбрала для своей жизни, что Юрка впал в ступор и уставился на Гликерию Константиновну, не в состоянии вымолвить ни слова.

– Хотите чаю? – улыбнулась Гликерия, уже заливая кипятком в маленький заварочный чайник. – Вы любите овсяное печенье? Я сама его делаю. Вот это перед вашим приходом испекла. Угощайтесь.

– Спасибо, – Юрка присел к столу.

– С чем же вы к нам пожаловали? – снова улыбнувшись, спросила Гликерия.

По пути в колонию, в поезде, Юрка много раз продумывал и представлял себе, как он заговорит с Гликерией, как объяснит цель своего приезда, как попросит ее рассказать о своей жизни, но теперь... Теперь все это выветрилось из головы. «Это полный провал», – думал он, потупив глаза. Нужно было либо импровизировать, чего Юрка очень боялся, либо вообще отказаться от идеи этого интервью, чего он позволить себе не мог. Поэтому Юрка решил пойти ва-банк.

– Я хочу написать самую удивительную человеческую историю! – опешив от собственной храбрости, выпалил он.

– И какую же? – мягко спросила Гликерия, разливая по чашкам чай.

– Я хочу написать о вас! – снова, как робот, выпалил Юрка. – И это будет история об ангеле, ведь вас так все назы-

вают!

– Люди всегда дают друг другу разные имена, – ласково поддержала его Гликерия. – Кого-то ангелом кличут, кого-то демоном. Бабка моя говорила: «Хоть горшком назови, только в печь не ставь», – засмеялась она и, посерьезнев вдруг, продолжила:

– Только обо мне не надо писать, сынок.

– Пожалуйста! Гликерия Константиновна, я проехал почти десять тысяч километров, чтобы встретиться с вами! Помогите мне!

– Нет в моей жизни никаких особенностей, о которых людям следовало бы знать, – отрезала Гликерия.

– Пожалуйста! – Так иногда бывало, что герой, как рыба, вдруг срывался с крючка. Вот и сейчас Юрка понял, что уговорить Гликерию Константиновну он не сможет и материала не будет. А ведь он в своих фантазиях уже видел его вышедшим в печать. И даже слышал похвалы начальства и предвкушал премиальные. И вот все летело в тартарары!

– Нет, мальчик. И не проси.

– Что же мне делать? – удрученно спросил Юрка будто и не у Гликерии, а у самого себя.

– Что ты надеялся здесь найти? Впрямь, что ли, ангела? – насмешливо произнесла Гликерия. – Это женская колония. Попадая сюда, люди проклинают всех и вся. А ты говоришь, «история об ангеле»... Ты вот задай вопрос любой осужденной, есть ли здесь, по ее мнению, ангелы.

Юрка еще больше сник.

– Что же делать? – журналистская спесь совсем слетела с Юрки, и он вновь почувствовал себя маленьким, беспомощным мальчиком, который закинул мяч на крышу и теперь не знает, как его достать.

– Думаешь, ты первый приезжаешь сюда с этой просьбой? – Гликерия говорила строго, но совсем не зло и не сердито, – каких ангелов вы ищете? Где?

– А где их искать, Гликерия Константиновна? Где? Расскажите мне! – поняв, что все провалилось, и, ощутив абсолютную безысходность, Юрка почувствовал себя легче и вдруг задал вопрос, который совсем не входил в его планы. Как будто это и не он спросил, а вопрос сам себя озвучил его голосом. Гликерия, смотревшая до этого на свой цветущий сад на подоконнике, развернулась к Юрке. В ее взгляде промелькнуло нечто похожее на искру. Она медленно вернулась за стол и взяла печенье.

– Хорошо. Я расскажу тебе три истории. Три истории обыкновенных людей, таких же, как мы с тобой. Это истории о трех женщинах, с которыми в разное время мне посчастливилось встретиться здесь, в этой колонии. И ты сам решишь, где искать ангелов.

Не помня себя от счастья, Юрка закивал, как сумасшедший, быстро достал диктофон, блокнот, карандаш и приготовился слушать.

Глава 3

Судьба первая

Взлет

Если крылья даны при рождении, как бы глубоко ты ни падал, все равно будешь пытаться взлететь вновь.

Милене было двадцать два с хвостиком, когда она, наконец-то, окончила Дальневосточный институт советской торговли.

Этот день был самым ярким, праздничным, наполненным радостными надеждами и ожиданиями, потому что он дал ей билет в новую самостоятельную жизнь.

Искренне радуясь диплому цвета ее юной бурлящей крови, воодушевленная мечтами, она, словно бабочка, спорхнула, цокая каблучками босоножек, вниз по ступеням своего бывшего вуза.

Покружилась на прилегающей к институту площади, купаясь в радужных мгновениях торжества, и полетела, не чуя ног, в неизвестную, взрослую жизнь.

Все еще окрыленная важным событием и вмиг повзрослевшая, Милена примчалась домой, чтобы разделить радость с бабушкой.

Бабушка Милены, Василиса Евдокимовна, с которой внучка провела практически все детство и юность, работала когда-то товароведом в большом универмаге и неплохо разбиралась в вещах, которыми наполняла дом. «У нас все должно быть, как у людей», – любила повторять бабушка.

– Бабуля! – закричала Милена, стучась в дверь. – У нас все как у людей!!!

Дома, кроме кота, встретившего ее громким мурлыканием, никого не оказалось. Бабушка, видимо, пошла за тортом и еще не успела вернуться. Милена, переполненная восторгом, чмокнула Тимофея в мокрый носик. В честь такого события она распахнула холодильник, отрезала ломоть колбасы и угостила пушистика («ешь скорее, пока бабуля не вернулась»), и сама принялась любоваться собой, разговаривая с зеркалом.

Ликуя, она показала зеркалу диплом, раскрыла его и гордо сказала: «Ну, видело? Что скажешь? Правда, я – хороша!?»

Старое, с потрескавшейся амальгамой, бабушкино зеркало будто ответило ей согласием, отразив в полный рост Милену в своем потускневшем от древности стекле, и еще больше подчеркнуло смугловатость и бархатистость девичьей кожи, придав ей особый шарм.

Милена улыбнулась. Отражение, вторя ей, растянуло губы, засмеялось, обнажив белоснежные зубы, и, оценив себя, ответило: очень хороша!

– Ой, – сама себе удивилась Милена и на миг отпрянула

от трюмо, чтобы вернуться и вновь посмотреть в свои глаза. Зеркальное отражение колыхнулось, слегка вытянув и без того тоненькую фигурку. Глядя на свое отражение, Милена вдруг почувствовала себя невероятно гибкой и изящной. Она кокетливо изогнулась, приподняла руками струящиеся по плечам рыжие локоны, и ее ярко-зеленые глаза с поволокой томно уставились в собственные зрачки.

Воображение девушки так разгулялось, что, словно кисть художника, быстрыми, умелыми мазками дорисовало и без того прекрасный образ. И образ, преображаясь, становился все более женственным, утонченным, своим контуром походя на гибкий ствол рябинового дерева, которое под палящими солнечными лучами вспыхнуло копной густых, огненно-каштановых волос, будто развевающихся на ветру, и загорелось так, что глаз невозможно было оторвать от этой красоты. Женственность блеснула в образе девушки маленькой искоркой, постепенно разгораясь жгучим пламенем самой яркой звезды на небосклоне.

Милена в тот миг сама себя не узнала, ведь на самом-то деле она, несмотря на броскую внешность, всегда была девушкой неулыбчивой, замкнутой и молчаливой.

Из-за застенчивости Милена сторонилась ровесников и одинокими вечерами, которых было в избытке, скрашивала свой досуг тем, что с упоением читала любовные романы.

Это было так ново и интересно, что тексты, переполненные красивыми словами, пламенной страстью и неземной,

какая бывает только в книжках, любовью, – в ее сознании словно оживали. И тогда возникшие образы захватывающим потоком фантазий наполняли душу нежностью и томлением, питавшим сердце, и она с тревогой ожидала любви, которая когда-нибудь непременно случится с нею в реальном, а не вымышленном мире...

Чтение так, бывало, увлекало Милену, что она представляла себя на месте главной героини. Фактически перевоплощаясь, девушка в мельчайших подробностях переживала события чужой судьбы, то уверенно шагая по гулким мостовым былых эпох, то примеряя скрывающую глаза маску, то кружась в пышном, глубоко декольтированном бальном платье среди вальсирующих рядом пар. В такие моменты она плыла по роскошному мраморному залу, и принц обхватывал ее за талию сильной рукой, нежно прижимая к себе. Ах, как тогда вздымалась ее грудь, сердце готово было выпрыгнуть из тугого охвата корсета, румянец окрашивал щеки и хотелось продолжения! Милена, отгоняя сон прочь, читала, читала, читала, и чтение всегда заканчивалось тем, что молодая героиня незаметно засыпала, а книжные истории проникали в ее сознание цветными насыщенными картинками. И тогда она, путешествуя в лабиринте чужой судьбы, глубокой звездной ночью замирала от предвкушения встреч с тайным возлюбленным, а потом вырывалась из его цепких рук, уворачивалась от поцелуев, задыхаясь в крепких и сильных мужских объятьях...

Конечно же, в реальной жизни свои чувства и утонченную натуру девушка никогда и никому не показывала, пряча их за строгими линиями наглухо застегнутого старомодного платья. Одеться она по-другому, в родной семье ее бы попросту не поняли. Там чувства и изыски в одежде были не в чести. Родители Милены работали геологами. Далекie от светской жизни, они старались побольше заработать, и потому часто уезжали в длительные экспедиции.

Словно извиняясь за свое долгое отсутствие, они всегда привозили дочери из дальних поездок какой-нибудь подарок, торжественно вручая его на семейном ужине.

Милена принимала дары, улыбаясь родителям, но не ценила дорогие подарки и не особо радовалась им, убирая объемные коробки в шкаф к бабушке на хранение и сразу же о них забывая.

Как-то так получилось, что подруг у нее не было, друзей тоже, а уж друга – и подавно. Возможно, потому, что встречавшиеся ей парни уж очень отличались от навеянного книжками образа статного красавца-принца.

Мать Милены часто грубовато говаривала дочке: «И чего это парни на нашу красоту совсем не смотрят? Вроде и не уродина, и не дура».

Эти слова больно ранили девушку, задевая ее самолюбие, но она старалась промолчать. Ничего не отвечая на укор матери, Милена хранила обиду в себе, тайно мечтая поскорее вырваться из-под этого до тошноты надоевшего контроля

старших и в мгновение ока очутиться в водовороте такой манящей радужными красками взрослой жизни.

И вот этот счастливый день, наконец, настал! День, когда вместе с дипломом Милене вручили направление на работу в один из городов Приморского края.

Шли далекие 80-е годы двадцатого века; согласно строгим законам того времени, Милене, как молодому специалисту, предстояло отработать на производстве не менее двух лет, и эти перемены давали ей шанс начать самостоятельную взрослую жизнь.

От одной только мысли о том, что над ней больше не будет довлеть всевидящее око родственников и прекратятся их вечные нравоучения, Милена почувствовала, как в ней пробуждается женщина. Именно эту женственность она и увидела в отражении серебристой зеркальной глади, и теперь, прощаясь с зеркалом, с которым она так много общалась, Милена прижалась к нему, как к лучшему своему молчаливому другу. Остановившись на пороге, девушка взяла на руки кота, прижала его к себе, расцеловала, отпустила и прощально помахала рукой опустевшим комнатам родного дома.

Так вдохновенно и восторженно прощаются с прошлым, видя перед собой будущие светлые дни. Легким, радостным взмахом руки. Точно так же она помашет волнующейся и наставляющей ее советами бабушке, милой Василисе Евдокимовне, которая еще долго потом будет стоять на платформе и, утирая слезы большим клетчатым платком, смотреть

вслед скорому поезду, уносящему ее маленькую девочку в дальнее, неизвестное путешествие по жизни.

Поезд мчался быстро, монотонно отстукивая ритм тяжелыми колесами. В купе к девушке никого не посадили. Но Милене, привыкшей фантазировать, скучно одной никогда не бывало. Попивая свежесваренный чай, она погружалась в девичьи грезы и, витая где-то между реальной жизнью и навеянными романами вымыслом, подхваченная своими крылатыми мыслями, почти весь путь смотрела в окно, шторку которого, присборив, перевязала попавшейся под руку длинной полоской ткани.

Вид преображенного окна напомнил ей эпизод из недавно прочтенной книги. Под мерное покачивание поезда Милена представила себя в образе знатной особы царских кровей, следующей в свое имение в роскошной, украшенной резными узорами и вензелями карете. Окошко, сквозь которое дама из романа поглядывала на мир, было занавешено тканью с тонкими кружевами и точно так же, как вагонная шторка в купе Милены, перехвачена атласной, в мелкую оборочку, лентой. Милене так отчетливо представился этот эпизод, что она как будто даже услышала не мерный перестук колес поезда, а совершенно отчетливые удары подков по дороге и скрип деревянных колес: будто изящная четверка лошадей мчит сквозь ночь и день, вздымая вокруг себя клубящуюся дорожную пыль, стремглав унося из виду золоченую карету знатной госпожи.

«Да!» – подумала Милена, а вслух произнесла:

– Я и есть госпожа, королева! С таким-то дипломом и такой профессией мне все пути открыты!

Окрыленная мечтами, она не успела и заметить, как промелькнул ее путь. Уже привыкнув к мысли, что весь мир теперь покорится ей, девушка важно вышла на перрон нового для нее города. Морской ветер, встречая Милену, приветливо дохнул ей в лицо, и это легкое, свежее дуновение наполнило ее радостью. С лучащимся от счастья лицом девушка отправилась в Горторг, согласно своему рабочему направлению, свято помня наставления бабушки о том, что надо сразу же попросить для себя подъемные.

И хотя бабушкины речи о деньгах всегда ее раздражали, сейчас Милена о них вспомнила и решила взять на вооружение мудрые слова семидесятилетней Василисы Евдокимовны: «Будут деньги – будет все!»

На новом месте ее встретили приветливо, радушно, разговаривали обходительно, как будто ждали появления нового работника. Подъемные, о которых так беспокоилась бабушка, выписали незамедлительно, выделили койко-место в общежитии, но, вопреки ожиданиям молодого специалиста, предложили должность обычной продавщицы.

Милена сразу сникла от такого оборота.

– Я специалист! – возмутилась она. – Я как минимум товаровед!

И мысленно, как будто сомневаясь, сама себе тихонько на-

помнила: королева, госпожа...

– Сейчас у нас только эта вакансия, – окончательно сбив корону с юной головы, сказала заведующая Горторгом Спиридонова Надежда Николаевна, грузная женщина возрастом под полтинник со странной грушеподобной фигурой и большой, пышной грудью.

Кроваво-красно покрашенными мясистыми губами она доброжелательно улыбнулась Милене:

– Как появится что-то получше, мы вас сразу переоформи-
мим.

Надежда Николаевна говорила тихим вкрадчивым голо-
сом, почти полусшепотом, но ее цепкие глаза были похожи на
два буравчика, которые сверлили Милену и, подобно лапкам
паука, что сидел рубиновой брошью на вороте блузы Надеж-
ды Николаевны, прощупывали ее нутро.

Тяжелый, приторно-сладкий аромат духов, несоответ-
ствие ласковых и тихих интонаций общему облику Надеж-
ды Николаевны (понятно было, что женщина она властная и
волевая) и то, как она быстро поставила на место Милену,
приняв ее на низкооплачиваемую работу, – все это вызвало
у девушки неосознанную внутреннюю неприязнь к началь-
нице.

Надежда Николаевна, со своей стороны, поняла, что но-
вая сотрудница – девушка не конфликтная, тихая, поддается
влиянию и вообще простушка, если по одежке судить.

«Дело сладится, – думала Спиридонова, – видно же, что

человек ведóмый, покладистый».

Милена, быстро поддавшаяся паучьему обаянию начальницы и наивно полагавшая, что для нее действительно скоро освободится вакантное место, покорно вышла на работу, встав за прилавок небольшого продовольственного магазина, в ассортименте которого преобладали соки, мороженое, сигареты и прочая мелочь.

Первым посетителем магазина, в котором главной достопримечательностью отныне стала красивая, изящная, похожая на грациозную фарфоровую статуэтку Милена, был добродушный старичок. Он понуро и почти машинально прошаркал подошвами сандалий к прилавку и, словно увидев сияющего ангела, замер. Дедушка, как будто ослепленный попавшим на него светом, прищурил глаза, вгляделся, а потом, словно привыкнув, осмотрелся, расплывшись в улыбке. Тончайшая, как пергаментная бумага, кожа его губ обтянула улыбкой уже давно обеззубевшие десны. Дедушка облизнулся, пристально посмотрел на Милену и, немного подумав, нарыл в закоулках своей памяти заброшенные туда за ненужностью слова, чтобы теперь рассыпаться в комплиментах перед этой возникшей из ниоткуда красотой:

– Гибкая, спелая виноградная лоза, налей мне сладчайшего сока из своего кувшина...

Милена, не привыкшая к такого рода обращению, покраснелась, дрожащими руками налила напиток из кувшина в стакан и протянула старику. Он обхватил ее ладонь шер-

шавыми, до тошноты теплыми пальцами обеих рук и, удерживая руку девушки, продолжил словесную атаку.

Щеки Милены от неожиданности и непонимания происходящего еще больше вспыхнули. Пытаясь высвободить свою ладонь, она пристыдила старика:

– Что вы себе позволяете?

– Ну-ну, Михалыч, ты это брось, – видя замешательство Милены, подоспела ей на помощь напарница и тут же, выхватив ладонь Милены из цепких старческих лапок, приободрила коллегу:

– Первый посетитель-мужик – это хороший знак; хоть и бесы у него в ребрах, а все ж примета есть примета – приживешься здесь.

И, словно в подтверждение этих слов, с пробуждающимся новым днем закипела, засновала туда-сюда людская толпа. Милена только и успевала брать деньги, отсчитывать сдачу да выдавать необходимый товар.

Так за проворной работой Милена и не осознала даже, как день проскочил и сгущающиеся вечерние сумерки напоззли на город, подгоняя к завершению время рабочего дня.

Милена готовилась к закрытию магазина и по наставлению напарницы считала дневную выручку. Большие купюры она положила одна к одной, убрала их в кассу, высыпала на прилавок мелочь и начала быстро отсчитывать монеты. В этот момент в дверном проеме появился высокий брюнет с вьющимися волосами и живыми пронырливыми глазами. Он

оглядел Милену снизу доверху долгим оценивающим взглядом, как ее еще никто и никогда не рассматривал. Она сконфузилась под этим пытливым взором темных глаз. Какая-то непонятная, не знакомая ей дрожь пробежала по телу.

– Ты новенькая, что ли? – улыбаясь и не отводя от нее своего ощупывающего взгляда, спросил парень. Милена кивнула.

– Как тебя зовут?

– Милена.

– А где Даша? – поинтересовался он девушкой, которая была ее сменщицей.

Напарница Милены, Галина, вновь наблюдая замешательство коллеги, молниеносно подоспела на помощь:

– Она придет завтра, а вот ты и совсем бы здесь не появлялся, катись давай отсюда ко всем чертям! Не засоряй эфир.

– Ух, и злая ты, Галка, как голодная чайка, заклевать готова!

– Иди давай, умничать тут будешь! Наш радар от тебя сильно фонит.

Милена, молча хлопая глазами, смотрела на их перебранку.

Парень хмурился, поправлял одежду, словно обдумывая свои дальнейшие действия, переминался с ноги на ногу, но уходить не спешил.

– Давай-давай, – подгоняла его Галина, – нечего тут впустую ошиваться.

Галина даже вышла из-за прилавка, кидаясь на парня грудью, как на амбразуру.

– Ну-ну, крокодилчик, успокойся, – отстранил ее от себя посетитель. – Не к тебе, зубастик, я пришел.

Он обогнул растерявшуюся продавщицу и вновь заговорил с Миленой.

– Анатолий, – представился он, протянув ей руку.

Милена слегка пожала его теплую ладонь.

Молодой человек задержал на мгновение хрупкую девичью ладошку в своей ладони, потом быстро, так что девушка не успела опомниться, подтянул ее руку к своим губам и поцеловал.

Этот внезапный поцелуй словно обжег руку Милены, и она от неожиданности вскрикнула, отдернув ладонь.

Анатолий томно прищурил веки и слегка шевельнул губами, как бы показывая Милене жестом, что он ее целует. Вместе с этим воздушным поцелуем от него пошли сильные токи, которые девушка сразу же почувствовала, будто по ее телу разлилось тепло и нега.

Милена смотрела на него как на сверхчеловека, внезапно появившегося неведомо откуда и принесшего с собой мужской шарм, непредсказуемость, стать, красоту и ту самую сажень в широких плечах, о которой она так много слышала, но которой, пожалуй, до того дня не встречала у своих знакомых.

Анатолий посмотрел на лежавшие на прилавке монеты и

попросил:

– Одолжи на пиво до зарплаты!

Милена, не зная, что сказать, посмотрела на Галину, стоявшую в некотором оцепенении и наблюдавшую за ними. Повисла пауза. Не дождавшись ответа, новый знакомец сгреб с прилавка звенящую медь и, торопясь, вышел из магазина, бросив на ходу: «Спасибо, девчонки!»

Милена не знала, как реагировать. Даже не поняла, не успела осознать, что произошло: то ли ее так лихо обокрали, то ли у нее появился друг.

– Ты с ума сошла, что ли? – вывел ее из ступора голос Гали. – Так ведь и проторговаться можно.

– Да, – согласилась с ней Милена. – Даже не знаю, что на меня нашло: я словно дар речи потеряла.

– Клади теперь в кассу свои кровные, да впредь повнимательней с деньгами будь, здесь таких проходимцев – пруд пруди, а ты, как я посмотрю, будто кролик к удаву, сама в пасть его лезешь, даже не узнав, кто он.

– А кто он? – полюбопытствовала Милена.

– Местный забулдыга, – подытожила беседу Галка. – Даже и смотреть не стоит в ту сторону, забудь о нем, и об «одолженных» деньгах тоже забудь.

Всю ночь Милене не спалось.

Девчонки, соседки по комнате, весело шушукались и тихонько смеялись на соседних койках.

А она, притворившись спящей, накрывшись одеялом с го-

ловой и обнимая подушку, думала о нем, об Анатолии, о его мужской красоте и о его руках, сильных мускулистых руках, в объятиях которых, как нарисовало ее воображение, она могла бы очень даже хорошо себя чувствовать. Девушка даже наивно представляла в сладких и томных грезах, как он тоже сейчас не спит и думает о ней. И в своих фантазиях с силой прижимает ее к своей груди и долго, страстно целует и дышит Милене в лицо горячим дыханием, и она, податливая ему, тоже нежно обнимает его и дарит в ответ миллионы прикосновений своих сладких губ.

Думая так об Анатолии, Милена бесконечно целовала свою руку в то место, где до сих пор ощущала горящий отпечаток милых губ.

Начало разрушения

Весь следующий день, который был выходным, Милена посвятила покупкам. Ей хотелось украсить себя так, чтобы Анатолий смотрел только на нее. Самая красивая из всех – только так она должна была выглядеть! Помада, карандаш, тени и тушь для ресниц были куплены незамедлительно. И, конечно, теперь у нее в шкафчике появилась самая модная и красивая одежда. А та, в которой она приехала, отправилась в дальний угол.

Теперь на работу Милена собиралась как на самый яркий, большой праздник. Красивая и нарядная, она встала за свой прилавок, и, хотя белый халат продавца скрыл глубокий вырез блузки из тонкого хлопка, верхние пуговицы которой она умышленно не застегнула, подведенные брови и стрелки на веках в обрамлении густо накрашенных ресниц все равно сделали свое волшебное дело. И на посетителей магазина в этот раз смотрела уже не вчерашняя школьница с рыжим хвостиком на голове, а прекрасная роза, распутившаяся во всей своей красе, огненная, благоухающая шлейфом нежного аромата.

Анатолий с утра вновь появился в магазине, принес деньги, поблагодарил и хотел было уйти, но никак не мог оторвать взгляд от Милены и, будто очарованный ее красотой, простоял четверть дня у прилавка, внимательно наблюдая за

девушкой. Все в ней было таким милым, ладным, красивым! Все – от кончиков тоненьких пальчиков до рыжих длинных локонов. И голос у Милены был такой звонкий, льющийся, что он, забыв обо всем, слушал и слушал ее, как самую прекрасную певчую птицу.

Резкое преобразование девушки сильно взволновало Анатолия. Он ощутил новые эмоции и, чтобы быть ей под стать, даже стал надевать вместо заношенного свитера рубашку и галстук. Он больше не просил у нее взаймы денег – наоборот, сам старался угостить ее то шоколадом, то ягодами, а однажды даже принес ей цветы.

Как-то само собой их общение стало легким и непринужденным; освоившись в обществе друг друга, они весело болтали обо всем, что только приходило на ум. Милена умудрялась и покупателей обслужить, и Анатолию внимание уделить. А он, по-доброму расположившись к ней, рассказал, что живет с матерью, поскольку личная жизнь никак не складывается, все что-то не клеивается, не получается... Работает экспедитором в том же Горторге, к которому относится и магазин, познакомивший их, и работа у него сдельная – то есть она, то ее нет, поэтому иногда и шатается он по округе без дела.

Болтовня между делом как-то сблизила их, сроднила. Анатолий говорил, что ему с Миленой легко, спокойно и тепло.

У Милены тоже поднималось настроение, когда она изда-

ли, сквозь толстое стекло магазина, видела идущего в ее сторону Анатолия.

– Привет, крошка! – улыбаясь, говорил он.

Милена что-то радостно щебетала в ответ. Он подходил поближе, почти вплотную. Всегда смотрел в глаза и не отводил взгляда от ее прекрасных, необыкновенно зеленых глаз.

Это был твердый взгляд мужчины, которого так жаждала душа Милены, и она, теряя самообладание, с трудом сдерживала волнение, нежность и волну сладкого потягивания внизу живота.

Незаметно для себя Милена так вспыхнула любовью к Анатолию, что в его отсутствие нервничала, не находя себе места, и сама себе много раз убедительно говорила: «Уже ради одного только знакомства с Толей стоило приехать в этот город». Она была искренне и наивно уверена в том, что Анатолий – это Он, тот самый мужчина!

Однажды, заболтавшись с Миленой до самого закрытия магазина, Анатолий вызвался ее провожать.

Они шагали не спеша, и Анатолий нашел повод поддержать Милену под руку. Шли по широкому тротуару, густо усаженному благоухающими кустарниками, так же ярко цветущими, как и их пара. Птицы заливались в тот вечер, пели одна громче другой, и Анатолий с Миленой часто останавливались и слушали их щебет. От нахлынувших чувств Анатолий обнял Милену, прижал к себе и крепко поцеловал. А потом еще и еще...

Не в силах больше отпустить друг друга, они, счастливые, прогуляли всю ночь и с трудом расстались лишь под утро.

«Это любовь!» – думала Милена.

«Какая она сладкая!» – думал Анатолий.

В общежитии Милена, которой хотелось поделиться своим счастьем со всем миром, не удержалась и рассказала о своих чувствах к Анатолию сменщице Дарье, которая жила по соседству, в комнате напротив.

– Что-то я с трудом верю, что Толик мог в тебя влюбиться, на него это совсем не похоже, – заявила та.

– А почему бы и нет? – удивилась Милена. – Я что, пятак не вышла или что у меня не так, а? Вроде все на месте. И тут – потрогала она себя за грудь, – и тут – ее руки, будто показывая достоинства, скользнули к ягодицам, – и тут тоже не хуже, чем у всех, – постучала она кончиками пальцев по лбу.

– Миль, да я не о том тебе хотела сказать. Конечно, ты красивая, может, даже и не чета ему.

– Ладно, Дашка, я тебе как подруге рассказать хотела, как мы с ним целовались всю ночь напролет, да тебе, видно, самой не на кого глаз уронить, раз ты мне позавидовала.

– Я тебе позавидовала? Очнись, Миля, чему? В нашем общежитии не найдется подола, под который твой кавалер не пытался заглянуть.

– А ну повтори, что ты тут несешь! – разозлилась Миля.

– А он со всеми целуется, – усмехнулась хохотушка Дарья и добавила: – Если поставить ему бутылку коньяка, он и пе-

респит с любой, одна Света из винного чего стоит, он только там и пасется!

– Ты что такое несешь, зачем ты клеветешь на Толю? Он почти все свободное время проводит рядом со мной! – возмутилась Милена. – Я больше ничем с тобой делиться не буду, и об этом разговоре давай-ка лучше забудем, сплетница ты!

Весь свой выходной, а потом и следующие рабочие дни Милена места себе не находила. Ни спать, ни есть толком не могла. Сказанное Дашей об Анатолии больно ранило ее, ядовитое жало ревности кольнуло девушку в самое сердце. Сильно хотелось плакать, спрятаться от всех любопытных глаз и плакать. А еще хотелось встретиться с милым и спросить у него напрямую, выяснить все. Хотелось, чтобы он развеял закравшиеся в ее девичье сердце сомнения и тревоги. Чтобы снова страстно обнимал, целовал, ласкал только ее и нашел для нее самые важные, самые нежные, самые главные слова, которые сумеют убедить ее в том, что она – одна, она – единственная на всей земле. И нет отныне для него никого ближе и дороже, и только свет ее любви нужен ему в этой жизни.

Так хотелось Милене, но Анатолий в ее магазине перестал появляться, и тревога, переплетаясь со жгучей ревностью, росла в ее душе, кипела, укреплялась, пускала корни, и душа Милены от этого рвалась на части и плакала, как и небо, лившее в те дни на землю дождевые потоки, так схожие с

горючими девичьими слезами...

Падение

Осень пришла в город внезапно, давая о себе знать сгущающимися на небосклоне тучами и дождливыми, ненастными днями.

И вот в один из таких хмурых промозглых вечеров Милена после очередного затянувшегося рабочего дня, раскрыв над головой пестрый зонтик, медленно шла по улице в общежитие.

В ее походке и понуром виде читалось полное безразличие ко всему окружающему. Как-то машинально передвигаясь, она смотрела по сторонам и, проходя мимо винного магазина, через большую стеклянную витрину заметила Толину куртку. Милена остановилась и стала вглядываться внутрь сквозь стекло: он это или не он? И увидела то, чего лучше бы ей не видеть.

Анатолий целовался с продавщицей.

– Да как он посмел? – со злостью прошептала Милена, а слезы потоком, еще сильнее, чем прежде, хлынули из глаз.

Милене хотелось убежать от этого места подальше, чтобы больше не истязать свое влюбленное сердце такими невыносимыми страданиями, чтобы больше не видеть этого кошмара, но ноги ее стали будто ватными, непослушными и не двигались с места. Застыв, словно статуя, Милена продолжала стоять и смотреть на целующуюся пару.

Утирая рукавом плаща крупные слезы, бегущие по мокрым щекам, Милена ревниво сравнивала себя с девушкой из винного магазина. Ее соперница была гораздо полнее и выше ростом. Сильно вытравленные перекисью белые посеченные волосы неаккуратными прядями спадали на круглое, покрасневшее от принятого спиртного лицо. «Как же так? Я же намного красивее и точно моложе нее! Не может Толя ее любить больше, чем меня!» – причитала Милена.

В каком-то кафе заиграла музыка, наполняя мелодичными звуками дождливую улицу. Милена из своего укрытия наблюдала за фигурами Анатолия и его пассии, как за актерами немого кино. И на этом импровизированном, подсвеченном ярким фонарем экране бесконечно мелькали бутылки, рюмки, объятия и поцелуи.

Пришла она домой вся заплаканная и вымокшая до нитки. Девчонки встревожились, не понимая, что случилось. Но Милена, не в силах сказать ни слова, только рыдала.

Настойчивые подруги из обрывков слов между всхлипами и вздохами все же разобрали причину ее страданий и печали. От них Милена узнала и имя своей соперницы, и где она живет, и откуда приехала в этот город, и то, что она уже долгое время встречается с Анатолием.

Всю горькую ночь Милена, ведóмая яростью ревности, планировала различные способы расправы с внезапно вставшей на ее пути Светланой. Да как она посмела так нагло воровать ее, Миленино, женское счастье? «Анатолий только

мой, только меня одну он может любить!» – решила Милена и поклялась себе, глотая слезы обиды, что любой ценой убедет с дороги ненавистную соперницу.

С того дня девушка стала хмурой, будто назревающая грозная туча. Ревность до такой степени изматывала ее душу, наполняла сознание различными образами любовных сцен Анатолия и Светланы, что, не в силах справиться с этим приступом наваждений, Милена стала собирать в свою копилку мести все сведения о Светлане – каждое слово, каждую сплетню. Часто долгими часами она стояла под окнами винного, наблюдая за ней, и однажды, когда Анатолия рядом не было, решилась зайти в магазин.

Милена как-то механически подошла к прилавку и внимательно уставилась на продавщицу.

– Вы чего-нибудь желаете? – услужливо поинтересовалась та.

Милена натянуто улыбнулась и мысленно сказала: «Желаю. Башку тебе открутить желаю!» Но вслух мягким голосом произнесла:

– На душе у меня как-то беспокойно и тревожно, я хотела бы что-нибудь выпить, чтобы расслабиться, отогнать от себя дурные мысли, но я в спиртном совсем не разбираюсь.

Светлана мило улыбнулась:

– Если вы доверитесь моему вкусу, я могу вам порекомендовать вот этот напиток.

Она взяла с витрины бутылку вина и стала рассказывать

Милена о прекрасных солнечных долинах, взрастивших сочные виноградные гроздья. Ее речь журчала, струилась и лилась точно так же, как и это вино, наполнившее стакан.

Милена отметила для себя, что Светлана, так же, как и она сама, очень начитана и является интересным собеседником, и это сильно снижало Миленины шансы на победу.

Милена, встав за столик, не спеша выпила терпкий напиток и снова подошла к прилавку.

– Вы желаете повторить? – мило улыбнулась Света.

– Да, желаю, – во все глаза смотрела Милена на разлучницу.

Девушка отметила, что Светлана все же симпатичная внешне, и почти не проигрывает Милене, если их сравнивать. Поняв это, Милена почувствовала ком в горле, который будто поторопилась запить вином, не в силах смириться с очевидными фактами.

– Дайте мне всю бутылку, – сказала она продавщице, и молчаливые слезы крупными солеными каплями покатались по ее щекам.

– У вас что-то случилось? – поинтересовалась Света.

– Да, – кивнула Милена в ответ, – только я не хочу об этом говорить.

Светлана понимающе кивнула и подала Милене бутылку вина вместе с маленькой шоколадкой, которую положила на блюде от себя.

В этот момент в магазин зашел Анатолий и, увидев сопер-

ниц, стоявших друг напротив друга, тут же, пока они не заметили его, пулей вылетел вон.

От такой неожиданности сердце его испуганно забилося, кровь ударила в голову и, сильно пульсируя, стучала в висках. «Что это было? – пытался понять он. – Зачем Милена пришла сюда?» Теперь он словно поменялся с Миленой местами и, нервничая, заглядывал в окно, наблюдая за ней из темного закутка улицы.

Когда Милена, наконец-то, вышла из магазина и пошла в направлении к дому, Анатолий поколебался немного, пойти ли за ней или вернуться в магазин, но желание общения со Светланой взяло верх, да и любопытство его свербило: уж очень ему хотелось знать, что же тут делала Милена.

Он развязно подошел к прилавку, взял пустую бутылку, которую Света не успела еще убрать, и спросил:

– Милая, ты с коньяка на другой напиток перешла?

– Нет, – засмеялась она в ответ, – это девушка тут была, одна всю выпила. У нее что-то случилось, она так сильно плакала!

Анатолий напрягся, но внешне равнодушно спросил:

– А что случилось, ты поинтересовалась? Может, человеку помощь какая нужна?

– Поинтересовалась, конечно! Да только она не пожелала делиться своим горем.

– Понятно, ну ее тогда, давай о нас... Дело к закату – может, по пятьдесят и в люлю?

– Как я соскучилась! – глядя на Анатолия влюбленными глазами, прошептала Света.

– Я тоже так тебя хочу, и он! – Анатолий глазами указал Светлане направление, куда надо посмотреть, и она, почти перекинувшись через прилавок, взглянула.

А потом, дождавшись окончания рабочей смены Светланы, он шел с ней, счастливый, рядом и хотел, чтобы они всегда были вместе! Вот только бы она получила развод со своим непутевым мужем, и тогда он, Анатолий, будет всю оставшуюся жизнь для нее вернее цепного пса, будет лежать рядом у милых ног.

А Милена плакала всю ночь напролет, тихо шепча себе под нос: «Ну зачем ты так, Толя?»

Мысли не давали уснуть, лезли одна за другой в голову Милены и гудели, словно пчелиный рой, собравшийся к перелету и тучей клубящийся над ульем в ожидании вылета матки.

«За что, за что, за что?» – стучала одна и та же фраза в ее голове. «А за то, что ты дура такая, наверное, – сама себе дала ответ Милена. – Он спивается, а Светка поит его, вот и вся их любовь, в которой стакан, полный вина, является приманкой, наживкой к доступности тела... Но как, как выдернуть его, как спасти его от этого пьянства, если она со своими бутылками всегда рядом: только появись желание – и бездонная чаша алкоголя уже подана?»

За этой мыслью последовала следующая: «Где Светка бе-

рет столько денег, чтобы постоянно наливать ему алкоголь, это же бешеные деньжищи?»

И на этот вопрос она тоже сама себе ответила: «Светка подворовывает спиртное, это точно, догадаться об этом несложно. Я и сама, будь я у того прилавка, возможно, дела бы то же самое...»

Мозг человека всегда готов пуститься на всякие хитрости, чтобы извлечь для своего обладателя пользу. А покупатель и не догадается никогда, что он обманут, если обман хорошо завуалировать, застывая доверчивые глаза потребителя милой, очаровательной улыбкой, изысканным комплиментом, утонченной шуткой... Светлана же, как Миля уже убедилась, имела хороший словарный запас и талант непринужденного общения. Сомнений у Милены больше не было – Светлана спаивала Толю ворованными напитками.

В результате этих размышлений в голове у девушки созрел план расправы с разлучницей Светкой. Всего один звонок Спиридоновой, и ее дорога будет определена, потому что ради своей любви, ради милого ее сердцу Анатолия она, Милена, как свирепствующий ураган-торнадо, сметет все и вся на своем пути.

Милена с трудом дождалась утра и, как только начался рабочий день, решительно набрала номер своей начальницы.

В телефонной трубке раздались протяжные гудки, и от этого ожидания сердце Милены колотилось в бешеном ритме, нагнетая волнение.

– Алло, – наконец-то ответили на другом конце провода. – Говорите, я вас очень внимательно слушаю, – полилась из трубки вкрадчивая, обволакивающая речь.

– Это говорит Милена Воскресенская...

– Да, Милена. Что-то случилось?

– Не знаю, как вам сказать; понимаете, тут такое дело... – замялась девушка.

– Говорите, говорите, как есть, – посоветовала Спиридонова.

– Это не по телефону, мне надо с вами лично встретиться.

– Хорошо, Милена, подъезжайте прямо сейчас, у меня есть для вас время.

– Да, я буду, – пообещала Милена и положила трубку.

Все, решительный шаг сделан. Отступить поздно. Милена, откинув прочь все сомнения, направлялась в Горторг.

В кабинете начальницы Милена рассказала о том, что Светлана Саблукова подворовывает спиртное и распивает его в рабочее время с Анатолием. Эти сцены она наблюдала сама лично, так как ее путь домой лежит мимо винного магазина, и она не раз видела все воочию.

В этот же день в винный магазин приехали проверяющие. Магазин опечатали и на время проверки Светлану отстранили от работы.

Позже из сплетен, гулявших по общежитию, Милена узнала, что проверяющие обнаружили в работе Светланы много нарушений.

В душе Милена злорадствовала и с нетерпением ожидала развязки этой истории – увольнения Светланы, которое сыграет ей на руку, выдворив из города ненавистную соперницу. Но, к великому своему удивлению, Милена наблюдала иную картину: Светлану оставили на работе в прежней должности продавца, а уволили вместо нее Анатолия!

Милене это показалось странным и несправедливым, и она, не теряя драгоценного времени, пошла к Спиридоновой добиваться заслуженного наказания для Светы.

Надежда Николаевна приняла ее приветливо, очень обходительно, угостила чаем и внимательно, терпеливо выслушала.

На вопрос, почему не уволили Светлану, Спиридонова ответила:

– Да, Миленочка, безусловно, Саблукова виновата, и ее следует наказать. И мы обязательно это сделаем: это в наших интересах, чтобы наш коллектив был сформирован из самых надежных, добросовестных сотрудников. Но наказать ее следует так, чтобы откорректировать, наладить ее отношение к выбранной профессии, наставить ее на правильный жизненный путь. Ведь даже в тюрьмах стараются исправить человека, а не погубить его, а мы-то уж тем более должны бороться за судьбу каждого нашего сотрудника.

Милена растерянно смотрела на своего руководителя и не находила слов, чтобы ей возразить.

– Я еще не знаю, как именно наказать Светлану, – продол-

жала Спиридонова, – но мы обязательно что-нибудь придумаем, решим эту назревшую проблему внутри коллектива, а пока я попросила написать ее вот это.

Спиридонова достала из папки и положила перед Миленой расписку, написанную Саблуковой.

Милена взяла листок бумаги и внимательно прочла его.

В расписке Света полностью признавала свою вину, раскаивалась и клятвенно заверяла, что подобных проступков в ее работе больше никогда не повторится.

– А если все-таки повторится? – спросила Милена.

– Сомневаюсь: Светлана неглупая женщина, она прекрасно понимает, чем могут закончиться такие шалости. Так что, Миленочка, будьте спокойны, за Светланой мы ужесточим контроль и тем самым лишим ее возможности снова оступиться.

Так, не солоно хлебавши, ничегошеньки не добившись своим поступком, разочарованная в жизни, в любви, во всех людях Милена с печальным лицом, как и прежде, каждый день становилась за свой прилавок.

Больная душа

Осень вступила в свои права окончательно, пришла пора ледяных дождей и серых пейзажей.

Опустошенная душа Милены в эти ненастные и очень тяжелые дни, как и оголившиеся, в одночасье сбросившие с себя листву серые кроны деревьев, трепетала под натиском уничтожавшего ее ветра собственных мыслей. Они, как обезумевшие, носились в ее голове, нагоняя тучи горьких проливных слез. Милена никогда не была подлым человеком и теперь очень мучилась оттого, что ей в голову пришла такая дикая мысль расправиться со Светланой. И еще из-за того, что она попыталась воплотить эту идею в жизнь, но, несмотря на все усилия, потерпела поражение.

Милена страдала и оттого, что этот поступок в ее жизни ничего не изменил, лишь усугубив происходящее. Потеряв работу, и без того спивавшийся Анатолий стал еще больше времени проводить у винного магазина, дожидаясь окончания рабочего дня Светланы. Они, двое потерянных, униженных ситуацией людей, стали еще ближе, роднее друг другу.

И однажды вечером, когда Анатолий в очередной раз провожал Светлану домой, их путь уже почти у самого подъезда преградил Женька – муж Светы.

Скользя по первому осеннему ледку, он с трудом удерживался на ногах.

– Ааа, – заорал он, – я думал, сейчас приду, упаду в ноги жене, скажу ей: «Здравствуй, Светочка, прости, милая!», а Светочка тут с Толечкой. Ну, здравствуй, Толечка!

Евгений подтянул рукава болоньевой стеганой куртки поближе к локтям, резким движением сдернул с головы вязаную шапку-гребешок и с матерными словами накинулся на Анатолия. Весь его оскорбленный боевой вид говорил о том, что кому-то сейчас не поздоровится.

Света испуганно заверещала и, вклинившись, встала между ними.

– Пошел вон! Чего ты приперся, мы же уже все с тобой давно решили! Не живется нам вместе, так чего мучить друг друга?

– Это ты решила! Меня, как щенка на веревочке, дергать захотела! Подтянула к себе, надоел – под задницу пнула. Да не тут-то было! – Евгений быстро извернулся, отстранил жену и зарядил кулаком прямо в глаз Анатолию.

Анатолий, кое-как устояв на скользкой поверхности асфальта и собравшись с духом, набросился на Евгения и наотмашь съездил костяшками кулака по его физиономии.

Светка тоже не осталась в стороне и, разнимая их, кричала и молотила своими кулачками куда ни попадя. Сплетясь в клубок, они катались по дороге.

Быстро разгоревшаяся потасовка завершилась тем, что все трое с подбитыми глазами и ссадинами, тихие и замерзшие, мирно сидели на лавочке у подъезда, пили коньяк из

горлышка и, присмирив, вели семейные переговоры.

Эта ситуация ускорила официальный развод Светланы с супругом, и теперь Анатолий свободно мог нырять в ее постель и проводить с ней ночи до самого утра.

Светка жила одна в старой маленькой комнатке коммуналки, доставшейся ей после бабушкиной смерти. И, теперь уже окончательно выдворив своего бывшего мужа, всем назло и себе на радость, счастливо зажила в ней с Анатолием.

Милена от всего происходящего даже с лица спала, осунулась и смотрела на мир и приходивших в магазин одних и тех же покупателей совсем грустными, заплаканными глазами. Посетители казались Милене такими же серыми, замерзшими, как и сама зима, незаметно подкравшаяся к приморскому городку. И потому, будто не видя их, девушка смотрела сквозь пустые, безликие лица на прорисовывающееся отражение своего завтрашнего дня, такого же мутного, блеклого и не предвещающего ничего хорошего.

Разные мысли блуждали в ее голове, и среди их множества Милена пыталась отыскать и вытащить на поверхность те, что могли бы хоть как-то оправдать ее поступок, но у нее это плохо получалось. И, будто в противовес, словно снежный ком, нарастало мучительное чувство собственной вины. Самобичеванием она просто изводила себя, пряча стыдливый взгляд от шушукавшихся за спиной девчонок.

Осознав, что этот опротивевший до тошноты магазин может так и остаться пиком ее карьеры без малейшей перспек-

тивы на будущее, в один из своих выходных Милена спозаранку отправилась к руководству.

Сильный снег, шедший в то утро, приветливо поскрипывал под ее быстрыми, почти бегущими ногами.

У Горторга Милена стряхнула с шапки и воротника пальто снег и, постучавшись в дверь начальницы, без приглашения вошла в приемную.

– Здравствуйте, вам назначено? – спросила секретарь.

– Да, назначено, – уверенно ответила Милена, и добавила: – Здравствуйте!

– Напомните вашу фамилию, – учтиво попросила девушка.

– Воскресенская.

Секретарь, внимательно просмотрев журнал приема посетителей, подняла взгляд на Милену.

– Вашей фамилии в списке нет.

– А мне по телефону назначено, я напрямую с Надеждой Николаевной договорилась.

Секретарь молча встала и направилась в кабинет начальства.

Быстро выйдя оттуда, она, любезно улыбнувшись Милене, распахнула дверь:

– Проходите, вас ожидают.

Милена решительно застучала каблучками по паркетному полу приемной и, войдя в кабинет, захлопнула за собой дверь.

– Здравствуйте, Надежда Николаевна, – очень холодным, официальным тоном поприветствовала она начальницу.

Не узнавая свою покладистую сотрудницу, Надежда Николаевна встревожилась:

– Что случилось, Милена, что привело вас ко мне на этот раз?

Не глядя в цепкие, колючие глаза, Милена ответила:

– Я хочу написать заявление о том, чтобы меня перевели на отработку в другое предприятие. В коллективе, где я сейчас работаю, отношения с коллегами у меня не складываются.

– Но это не повод для вашего перевода на другое место работы, – возразила Надежда Николаевна, – ведь везде есть люди, и с ними необходимо учиться контактировать, грамотно выстраивать взаимоотношения.

– Кроме того, – по-прежнему ледяным тоном добавила Милена, – в магазине, где я работаю, нет никаких перспектив карьерного роста, никакого развития. С утра до вечера одни и те же люди, одни и те же морды, одни и те же покупки, сигареты да пирожки. Не для того мои родители из шкуры лезли всю свою жизнь, дома не жили, по экспедициям мотались! Они хотели дать мне возможность получить необходимое образование, чтобы по жизни не стать буфетчицей. А вот реальность выглядит так, что по сей день они мне шлют деньги на проживание, потому что я на зарплату бакалейщика не тяну.

Надежда Николаевна с минуту молча что-то обдумывала, жестикулируя пальцами, и наконец сказала:

– Присядьте, пожалуйста, Милена. Дело в том, что я всегда думала о вас и хотела уже вызвать вас к себе на разговор, но вы меня опередили.

Милена от успокоительного тона немного обмякла и послушно присела на стул.

– А о чем вы хотели поговорить? – немного растерянno поинтересовалась она.

– Я знаю людей, детка, – сказала Спиридонова и продолжила: – В коллективе всегда бывают склоки, негодование и зависть, тем более если этот коллектив женский. И у тебя с коллегами не складываются отношения именно поэтому. Они завидуют тебе.

– Мне? – почти на крик сорвалась Милена, – а чему можно позавидовать?

– Всему, – отрезала Спиридонова. – Вы красивы, образованны, стройны, начитанны, и эти качества очень сильно выделяют вашу особу из окружения.

Так Надежда Николаевна похвалила Милену, а затем резко изменила интонации, нарочито грубо скатившись к обсуждению личных проблем девушки.

– Если же вы, Воскресенская, собрались покинуть нашу организацию из-за уволенного из ее рядов алкаша Анатолия, шашни с которым, судя по всему, и довели вас до такого депрессивного состояния, то можете сразу поставить крест на

своем карьерном росте.

– Да как вы смеете? – взвизгнула Милена. – Это моя личная жизнь, только моя, и она не является темой для обсуждения!

Но Милену будто никто не услышал, и грубые речи продолжали хлестать по ее уязвленному самолюбию, будто ладони по щекам:

– Потому что, милая девочка, таких никчемных мужичков, вроде Анатолия, которые живут жизнью присосавшейся к женщине пиявки, – пруд пруди. Стоит ли ради такого ленточного червя губить свою молодость?

Надежда Николаевна вышла из-за своего стола и стала взволнованно ходить по кабинету. Размашисто жестикулируя, она пыталась взывать к разуму неопытной девушки, которой так легко было управлять. Похвалить, поругать, потом дать родительское назидание – и Милена опять станет послушной.

– Но речь даже не о нем, не о несостоявшемся твоём любовнике! Мне бы хотелось поговорить о тебе.

Тон Надежды Николаевны резко смягчился, и она снова плавно перешла на «ты».

Подойдя к Милене вплотную, прямо посмотрела в ее глаза и повторила:

– О тебе!

– Обо мне? – удивилась Милена.

– Да-да, Воскресенская! О тебе, милая деточка. Дело в

том, что мне понравился твой поступок, когда ты мне позвонила и сообщила о назревающей, как чирей, проблеме в коллективе. Ты единственная вовремя встревожилась, проинформировала и мы потушили начинающееся пожарище в самом начале возгорания, не дав ему воспылать. Я знаю, что из-за этого у тебя и пошли разногласия с сотрудницами на работе, но так всегда бывает с тем, кто, ни на что не оборачиваясь, стремительно движется к своей цели. И дело в том, что ты сейчас находишься на верном пути, и я здесь с тобой полностью соглашусь. Первостепенной задачей нужно всегда ставить свое личное совершенствование, делать себя независимым от стороннего мнения человеком.

Милена смотрела на рубинового паука, висевшего на коффе начальницы и мерцавшего каждой каменной гранью от любого движения Спиридоновой, и не понимала, с чего это ее так расхваливают и поддерживают. А Надежда Николаевна, выдержав паузу, продолжила:

– С тех пор, как ты впервые пошла мне навстречу, я стала присматриваться к тебе, доверительно относиться, видеть в тебе союзницу. И мне хочется, чтобы ты не только осталась в коллективе, но и встала со мной на широкую дорогу.

Милена молча слушала монотонную речь Спиридоновой.

– Ты же понимаешь, о чем я? – прищурив хитрые глаза, спросила начальница.

– Нет, – мотнула Милена головой.

Спиридонова улыбнулась.

– У нас освободилось место заведующего складом, и я подумала, что только тебе могу доверить такую ответственную должность, требующую знаний документации, а также порядка и дисциплины. Я, не раздумывая, остановилась на твоей кандидатуре и подписала приказ о твоём назначении, потому что в тебе есть все вышеперечисленные качества.

Милена удивленно посмотрела на начальницу.

– Не вижу восторга на лице, Милена. Очнись, или ты меня не слышишь?

– Но... – пролепетала Милена.

– Какие могут быть «но»? Ты честна, требовательна, со знанием дела относишься к своей работе, горишь желанием роста. Думаю, ты справишься. Ты ведь институт для этого закончила, так?

Милена кивнула.

Надежда Николаевна, понимая, что критическая точка диалога пройдена, изменила интонацию и заговорила так мягко, словно она была не начальница Горторга, а мурлычущая, свернувшаяся в ногах калачиком кошка, ну или старшая сестра Милены, которая печется о ней и заботливо учит неопытную малышку первым шагам на широком жизненном пути.

– Так, сегодня среда; иди сдавай напарнице свою бакалейку, а завтра принимай рабочее место на складе, потом спокойно переезжай из общей комнаты общежития в отдельную, более комфортную, с приличной мебелью, на втором, семей-

ном этаже. Вахтеру я позвоню, ключи тебе выдадут, обустроивайся не спеша, а в понедельник с утра придешь ко мне за дальнейшими распоряжениями.

Милена от такого оборота даже дар речи потеряла и в ступоре, молча, сидела не шелохнувшись.

– Ну, и чего молчим, разве ты не рада?

– Рада, очень рада, – промямлила она.

– Ну, так иди, работа ждет.

– Спасибо большое, – поблагодарила Милена Спиридонову.

– Иди-иди, – поторопила та в ответ девушку. – Спасибо на хлеб не намажешь, придет время – сочтемся.

Из административного здания руководства Милена вылетела окрыленной птицей. Ее глаза вновь засияли прежним блеском, и перспективы жизни, о которой она всегда так сильно мечтала, вновь замаячили на горизонте.

Спиридонова с ироничной улыбкой на лице, думая о чем-то своем, смотрела из зарешеченного окна кабинета ей вслед, вспоминая свою молодость, когда точно такой же юной и наивной девчонкой она вышла из этого же кабинета, получив путевку в жизнь от своего непосредственного руководителя, место которого теперь занимает.

– Как это тебе удалось так быстро в стебель пойти? – съехидничала Галина, принимая от Милены товар. – Теперь, поди, с нами, простыми-то смертными, и здороваться перестанешь, мы ведь догадываемся, за какие заслуги тебя так

поощрили. Как из одной кастрюли-то жрать будем, если ты под подолом Спиридоновой теперь ходишь?

– А я не буду с такой дерзкой челядью вроде тебя в одну кастрюлю заглядывать, и жить даже по соседству с тобой не буду: я сегодня в отдельную комнату переезжаю.

– Даже так? – взметнула бровь Галина.

– Только так! – подтвердила Милена. – С теми, кто мне кости перемывает да с завистью вслед смотрит, мне не по пути.

– А ты думаешь, никто не знает, что это ты Светку спалила?

– Ах, вон оно в чем дело! А я-то думаю, что это все острожноичают со мной? Ну, вот и хорошо, раз уж вы такие всезнающие, то пусть каждая амеба, вроде тебя, зарубит на своем длинном носу, что стоять на моем пути смертельно опасно, поняла? И хватит тут передо мной помело свое гонять, просто прими как совет: прищепи свое жало, пока я его не намотала на кулак и не выдрала с корнем!

Галина больше не проронила ни слова, и дальнейший прием товара проходил в мертвой тишине и строго по инструкции.

Искушение

В общежитии, едва завидев Милену, вахтер мило растянула свои губы в улыбке и вручила ей ключ от нового жилья.

– Поздравляю, Миленочка: это очень хорошая, теплая комната, я очень рада за тебя.

Миленка кивком поблагодарила грузную, услужливую и добродушную Клавдию Васильевну и очень быстро перетаскала свои вещи на другой этаж.

Тихо, чисто и уютно было в ее новом жилище. Она включила телевизор и, лежа на диване, предалась своим назойливым мечтам, по-прежнему связанным с Анатолием.

Ее день рождения был не за горами, и девушка была уверена, что теперь ничто не сможет помешать ей быть в этот день рядом с ним, с объектом ее грез, с Анатолием.

Вечер клонился к ночи, и она, погасив свет, еще долго не могла уснуть, глядя себя и представляя, будто это крепкие, сильные ладони Анатолия сжимают до сладостной боли ее упругую девичью грудь, а его губы обжигают горячими поцелуями... И скользят, скользят его губы и руки по всему ее телу, и млеет она, постанывая, вырывается из его цепких рук и проигрывает в этом сопротивлении...

Измученная сладостными мечтами, Миленка, засыпая, тихо стонала в собственных объятиях.

Кое-как проснувшись поутру от звона назойливого бу-

дильника, она, счастливая, поцеловала подушку и, играя, проговорила:

– Доброго утра, миленький, просыпайся, а я нам что-нибудь приготовлю.

Воображаемый Анатолий ничего не ответил и продолжал крепко спать.

Милена по-быстрому позавтракала и не стала будить «спящего любовника», а просто заперла дверь на замок и побежала на склад принимать новое рабочее место.

Директор склада, Людмила Семеновна, встретила Милену приветливо, так, будто давно была с ней знакома, и сопровождала в ее кабинет.

– Вот, это теперь ваша обитель, – вставив огромный ключ в металлическую дверь и повернув его, произнесла она.

Дверь со скрипом распахнулась, и Милена внимательно осмотрелась.

– Да, – подметила ее взгляд Людмила Семеновна, – у вас организован маленький, но очень уютный личный кабинет. Здесь есть все необходимое – и рабочее место, и шкаф, и сейф, и все, что требуется для приема самых важных посетителей.

Она открыла дверцу шкафа, продемонстрировав Милене небольшой арсенал кофе, конфет и коньяка лучших марок.

– Да-да, – тут же спохватилась Милена, – все хорошо, я просто до сих пор не могу отойти от неожиданности своего назначения на эту должность.

– Ну что вы, не волнуйтесь, коллектив у нас дружный, мы поможем вам освоиться, Милена Васильевна.

Милена вздрогнула. Да, у нее только что появилось отчество! И она еще ярче ощутила легкий обжигающий поток свежей крови, несущейся по венам.

Жизнь приобретала сочные краски, и улыбка снова заиграла на прекрасном лице рыжеволосой дамы.

Да, именно дамы! Потому что выходные дни Милена решила посвятить смене своего имиджа, и с наступлением понедельника переступила порог Спиридоновой обновленной, счастливой, современной, стильной женщиной.

Она не просто вошла в дверь начальницы, а словно грациозно вплыла прекрасно выточенной ладьей.

Надежда Николаевна, потеряв дар речи и раскрыв от удивления свой кроваво-красный напомаженный рот, выпученными глазами смотрела на вошедшую в кабинет Воскресенскую и даже закашлялась от такого внезапного перевоплощения девчухи в изысканную, с хорошим вкусом и манерами даму.

– Ну что же, – наконец выдавила она из себя, – очень неплохо, вижу, что не ошиблась, хватка волчья!

Милена сдержанно улыбнулась в ответ.

– Все правильно, Милена Васильевна, – впервые по имени-отчеству обратилась к ней Спиридонова.

– В твоём, – она закашлялась и поправила себя, – в вашем подчинении, Милена Васильевна, будут четыре кладовщика

и водитель легкового авто. Вам необходимо очень тщательно контролировать их работу, потому что они, как и известная нам Светлана Саблукова, уже оступались на своем трудовом пути и, как ни прискорбно об этом говорить, попадались на воровстве. Мы услышали их раскаяние и оставили их в коллективе на свой страх и риск. Конечно же, я подстраховалась, взяв с них расписки о том, что они обещают впредь не нарушать норм поведения на предприятии. Все они их написали.

Спиридонова показала эти расписки Милене, потрясла ими в воздухе и сказала:

– Если что-то не так или, не дай бог, ты обнаружишь на складе воровство, сразу вызывай всех четверых и говори, что расписки будут в прокуратуре! Кладовщики сами все исправят и вернут ворованное.

Милена слушала Спиридонову, смотрела на расписки и понимала, что ей объясняют систему управления. Расписки в этой системе играли ключевую роль. Они были рычагом, с помощью которого можно было пугать людей, держать их в постоянном страхе, а со временем сделать безвольными рабами.

– Но это же подавление человеческой воли, своеобразный шантаж, – поглядела она зелеными, как у кошки, глазами на Надежду Николаевну.

– Это, Милена Васильевна, с какой стороны посмотреть. Торговля – такая сфера, где человека всегда искушают со-

блазны легкой наживы, и во избежание этого мы вынуждены чем-то сдерживать людскую алчность и меркантильность.

Спиридонова еще раз пролиставла расписки, сложила их в аккуратную стопку, убрала в выдвижной ящик своего стола и продолжила свое монотонное наставление.

– А расписка сама по себе является весьма неплохим мотиватором к добросовестному и ответственному труду. Но, Милена Васильевна, этот склад вверен вам, и если вам удастся найти другие, более эффективные методы управления, стимулирующие работника к самоотдаче, то мне останется лишь признать правоту ваших методов и, может быть, даже поучиться у вас управлению.

– Но есть ведь честные люди, – наивно произнесла Воскресенская.

– Есть, конечно, они есть, но вы сами скоро поймете, что кристально честный человек в этой системе не нужен. И не просто не нужен, он лишний, потому что им нельзя управлять.

Милена Васильевна понимала, что почти ничего не понимает, но соглашалась с Надеждой Николаевной, больше полагаясь на ее авторитет, заслуженный долгим трудовым стажем в торговой организации. Она была благодарна этому высокопоставленному человеку за оказанное ей доверие.

После нового назначения жизнь Милены резко изменилась.

В выделенной ей отдельной комнате общежития она сде-

лала ремонт по своему вкусу, стала изысканней питаться и одеваться, поскольку, помимо удвоившейся зарплаты, у нее начали появляться столь необходимые любому руководителю связи.

Каждое утро за ней заезжал водитель Кузьма, с которым она молча, прикрыв глаза, будто досматривая сон, ехала на вверенный ей склад, где уже чувствовала себя абсолютной хозяйкой.

Она быстро почувствовала вкус своих полномочий, а также усвоила метод управления людьми с помощью расписок, которому ее обучила Надежда Николаевна.

– Раб всегда ропщет и трепещет перед своим господином, – часто говорила она сама себе, когда до нее доходили отдаленные слухи и сплетни.

– За что ей такие привилегии? – случайно услышала она, проходя мимо подсобки, разговор двух сотрудниц.

Милена Васильевна не прошла мимо болтающих женщин и внезапно возникла перед ними.

– Так, – строго сказала она, – ты, Малышева, и ты, Смирнова, прямо сейчас зайдите ко мне в кабинет, я поговорить с вами хочу.

Уже в кабинете, закрыв дверь на ключ, она отчитывала их, поясняя:

– Давайте раз и навсегда прекратим сплетни в нашем коллективе. А на ваше любопытство отвечу так: такие привилегии я заслужила хотя бы тем, что окончила институт, а не по-

бежала в профучилище после восьмилетки! И думала, в отличие от вас, не о том, как, попав в торговлю, жить на воровстве, что вы уже обе практиковали и в чем обе были уличены, а о том, как своим умом создать комфортную платформу для своей жизни.

Женщины что-то перепуганно, оправдываясь, мямлили в ответ и, пристыженные Миленой Васильевной, виновато извинялись.

Вот она, власть над людьми, к которой Воскресенская так стремилась!

– Да, я – королева! – вспомнила она и повторила слова, которые однажды уже говорила себе в поезде, везшем ее в этот город для покорения карьерных вершин.

Однако очень скоро шоры спали с глаз новоиспеченной заведующей, и на поверхность всплыла самая что ни на есть трагическая реальность. Осознание происходящего не на шутку напугало девушку, так как она невооруженным глазом видела устрашающий масштаб творящегося на складе беззакония.

Пришел 40-тонный контейнер с товаром, который надо было получить в порту и перевезти на склад. Встречать контейнер вместе с Миленой Васильевной приехала и сама Спиридонова. Естественно, был с ними и водитель Кузьма.

Вскрыли контейнер, приняли товар. Это были консервы, сгущенка, тушенка, кофе, чай, алкоголь и другие продукты. Милена, как заведующая складом, подписала акт приемки

товара. Грузчики перевезли товары на склад, а дальше началось самое интересное. Надежда Николаевна обратилась к Милене Васильевне с такими словами:

– Полтора процента от полученного товара мы имеем право списать как испортившийся при перевозке, как бой. Сейчас мы это и сделаем. Получается шестьсот килограммов.

Милена Васильевна, еще толком не понимая, о чем идет речь, уточнила:

– Минуточку, минуточку... На самом деле при вскрытии контейнера обнаружилось всего девять разбитых бутылок шампанского.

– Милена Васильевна, – очень жестко оборвала ее Спиридонова, – шестьсот килограммов испорченного, не принятого к реализации товара. Тебе понятно, или ты вновь хочешь поселиться в общественный клоповник и остаток своей жизни шаркать буферами о прилавок?

Милена не смела в ответ даже языком пошевелить: стояла, вылупив глаза, и молча кивала головой. В ее сознании мгновенно пронеслись возможные последствия несогласия.

– Я все поняла, Надежда Николаевна, – согласилась она с начальницей и стала помогать ей отбирать шестьсот килограммов самого дефицитного товара, включив туда и битые бутылки. Быстро составила акт на списание и, хоть и понимала, что это воровство в крупных масштабах, все же подписала его. Спиридонова тоже поставила подпись на этом документе.

– Опасности, Милена Васильевна, если держать язык за зубами, никакой нет: мы действуем в рамках закона, ведь данный товар вполне мог испортиться по дороге. Большую часть товара мы пустим в реализацию и получим прибыль, а часть товара поделим между собой. Кузьма отвезет вам все, что вы посчитаете для себя необходимым. Ну а теперь, Милена Васильевна, этот списанный нами товар надо продать, – она указала рукой на дефицит.

– Как же я его продам? – удивилась Милена Васильевна.

– Я тебе скажу, как! Отвези его к Саблуковой и скажи, чтобы продала из-под полы.

Милена возмутилась:

– Я к Саблуковой? К Светке?

– Да, Милена Васильевна, – утвердительно повторила Надежда Николаевна. – Вы к Саблуковой Светке.

– А если она не согласится, что тогда?

– Тогда ты ей скажешь, что расписка, которую она написала, попадет в прокуратуру, и сядет она как минимум на пять лет, но будет гораздо лучше, если она продаст товар, возьмет свой процент и проживет без нужды целый месяц.

Только теперь Милена поняла, почему ее сделали заведующей складом. И дело было вовсе не в том, что она закончила вуз. Спиридонова выбрала ее заведующей, потому что знала, что Милена ненавидит Саблукову. Она стравливала девушек, как бойцовых собак. Одна должна была управлять другой. Одна должна была заставлять другую делать

опасную, рискованную работу – продавать списанный товар из-под полы. Вспомнились слова, когда-то сказанные самой Спиридоновой: «Я знаю людей, детка!» Она действительно была хорошим психологом. Она была уверена, что Милена понравится быть заведующей, понравится получать большую зарплату. Понравится жить в отдельной комнате. И отказаться от этих условий будет трудно. Плюс она по какой-то причине ненавидит Светлану, иначе бы не доносила на нее, и Спиридонова знала истинную причину этого доноса. Все это должно было привести к тому, что Милена будет заставлять Саблукову продавать списанный на складе товар.

Так оно и вышло. Расчет был верным.

– Здравствуйте, Светлана Валерьевна, – очень строго и официально обратилась Милена к Саблуковой, – нам с вами необходимо достичь максимального компромисса в сотрудничестве. Каждый день вам будет поставляться товар, который не будет проведен по накладной, но вы его примете на реализацию.

Саблукова возмутилась:

– Да ты ненормальная, что ли? С чего ты взяла, что я буду это делать? Это рискованно!

– Милена Васильевна, – деликатно и мило улыбнувшись, произнесла Милена. – Давайте мы с вами, Светлана Валерьевна, договоримся так: ко мне вы обращаетесь, так же, как и я к вам, строго по имени-отчеству; кроме того, я хочу вас убедить, что продажа этого товара не рискованней того, что

вот эта бумага окажется на столе прокурора.

И Милена Васильевна показала Саблуковой ее же расписку, данную в раскаянии Спиридоновой.

Деваться загнанной в угол Светлане было некуда, и в конце концов она согласилась на выставленные ей условия, но при этом возненавидела Милену.

Светлана догадывалась, что Воскресенская каким-то образом причастна к ее несчастью. Девушки всегда чувствуют такие вещи. Да и Милена каждый раз, когда забирала вырученные за «левый» товар деньги, ощущала неприязнь Саблуковой. Ее насмешливый и одновременно презрительный взгляд. Выручка отвозилась Спиридоновой. А та как хотела, так и распоряжалась деньгами. Как правило, часть она отдавала Милене. Так и стали они с тех пор действовать по этой отработанной схеме.

Треть от выручки! Для Милены это были огромные деньги. И она, будучи практичной, стала себе откладывать средства на кооперативную квартиру, в которой все так же мечтала жить с Анатолием.

Вот сидела она сейчас дома, снова думала о нем и снова, как всегда, себя ругала и оговаривала:

– Зачем, ну скажи, зачем тебе сдался этот специалист по горшкам? Когда, только глазом поведи, любой уляжется у твоих ног! И красивый, и перспективный, и состоятельный, а ты голову себе этой дурью забиваешь...

Но, как ни пыталась Милена вытравить несостоявшегося

ухажера из памяти, у нее ничего не получалось. Наоборот, еще больше хотелось увидеться с ним, посмотреть в глаза и утонуть, раствориться в этом взгляде, искрящемся лучиками озорства. Ведь со дня их последней встречи прошло уже несколько месяцев, а через пару недель придет Новый год. И как же ей не хочется встречать этот день в одиночестве, без взглядов, объятий, поцелуев и слов, самых нежных и красивых слов, которые она собирала для того, чтобы в день их встречи подарить ему!

Она по-всякому представляла их встречу. То будто встретились они случайно на улице, то пришла она к Саблуковой за деньгами, а он стоит с ней рядом у прилавка и виновато, ступешавшись, отводит в сторону глаза.

Такие ее мысли были прерваны стуком в дверь. Милена открыла. На пороге стоял подвыпивший Анатолий.

– Привет! – улыбаясь, потянулся он к Милене, чтобы чмокнуть ее.

Милена отклонилась. Такой встречи с пьяным Анатолием она точно для себя не желала.

– Зачем пришел? – строго спросила она.

– Одолжи до получки три рубля.

– Почему бы тебе у Светы не занять? – спросила Милена.

– Она на меня обижена, она считает, что это из-за меня на нее проверка наехала...

– Почему из-за тебя? – насторожилась Милена.

– Она считает, что это я кому-то проболтался, что она для

меня коньяк ворует, а я об этом никому не говорил! Но она не верит!

Милена достала из сумочки три рубля и протянула ему через порог.

Анатолий взял деньги, но уходить не торопился. Он приблизился своим лицом к Милене,дохнул на нее легким запахом алкоголя и стал водить пальцем по ее щеке, а затем тихо произнес:

– Я знаю, ты меня любишь!

Милена отбросила его руку и захлопнула перед его носом дверь. А затем села на кровать и расплакалась. Плакала долго. Когда кончились слезы, она постаралась уснуть, но не получилось. Перед глазами стоял Анатолий. Его сильные руки и нежные горячие губы. Низ живота отчаянно ныл. Она провалялась в постели до утра, думая о своей жизни и беспрестанно ругая себя: «Столько ждать, чтобы прогнать, – ну не дура ли?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.